

Порядок чтения книг Вселенной Упорядоченного. Буква «о» в скобках означает отступление от основного сюжета: события идут либо параллельно с основным сюжетом, либо до основного сюжета.

- Гибель Богов
- Воин великой тьмы (о)
- Земля без радости (о)
- Тысяча лет Хрофта (о)
- Алмазный Меч, Деревянный Меч
- Рождение мага
- Эльфийская стража (о)
- Дочь некроманта (о)
- Странствия мага
- Вернуть посох (о)
- Одиночество мага
- Война мага
- Война ангелов (о)
- Память пламени
- Удерживая небо
- Пепел Асгарда
- Асгард возрожденный
- Хедин, враг мой
- Прошедшая вечность
- Орел и Дракон
- Восстание безумных богов. Северная Ведьма (о)
- Душа Бога. Том 1
- Душа Бога. Том 2
(именно эта книга и завершает основную историю Упорядоченного)
- Когда мир изменился

КНИГА 1.

ЧЕРЕП НА РУКАВЕ

— Дерьмо ты, оказывается, — повторила Далька. Я ничего не ответил. За дюнами солнце медленно опускалось к горизонту, море потемнело, вдали, за линией рифов, уже заблестели огоньки китовых вожаков. Сегодня их ночь, мерцанием они приманивают самок, зовут предаться любви...

— Меня аж передергивает, как подумаю, что... что с тобой спала, — услышал я. Холоду в Далькином голосе хватило бы на плавучий рыбозавод средних размеров. — Жополиз имперский. Срань помоечная. Как тебя отец из дома-то не выгнал...

Отец-то как раз и выгнал, но Далька об этом пока еще не знала.

Зашуршал песок, и я невольно напрягся: Далька отличалась темпераментом, чего доброго, пнет в висок, с нее станется.

Взвизгнула яростно вздернутая «молния». Далька лихорадочно одевалась, бормоча вполголоса такие слова, что ее мама, наша, между прочим, учительница русского и литературы, точно упала бы в обморок.

— Предатель, — припечатала она напоследок.

Я молчал. Не поворачивал головы, смотрел на море.

Далеко-далеко, на самом пределе доступного взору, громадный кит выметнул из воды стотридцатитонное тело, развернул светящиеся плавники, описал плавную дугу, плюхнулся обратно, подняв облако пылающих искр. Красиво, черт побери. Когда еще доведется такое увидеть?

За спиной в отдалении взвыли турбины Далькиного вертолета. Казалось, даже машина сыплет в мой адрес отборными ругательствами.

Пусть. Теперь уже все равно ничего не изменишь. Бумаги поданы и подписаны, аванс получен. И даже одежда, небрежно брошенная рядом прямо на песке, — не обычные разноцветные шорты с футболкой. Пятнистый комбинезон имперского десанта. С серебристым черепом на фоне черного щита, красующимся на левом рукаве.

Отступить некуда, позади Москва. Хотя, конечно, с потерей Москвы не потеряна Россия, как сказал когда-то светлейший князь Смоленский Михаил Илларионович Кутузов...

Киты в море развелись все вольней, темные волны почти что пылали, освещенные их телами. Ночь любви...

Интересно, а на что рассчитывал я, когда звал Дальку на наш остров? Повалить девчонку на песке — так сказать, на прощание? Неужто я думал, что она меня поймет? Что скажет — молодец, так и надо было?

Нет, конечно. Никогда бы Далька такого не сказала. Далька, давний член интербригады «Бандера Росса». Ну да, той самой, знаменитой, чьей главой была небезызвестная террористка Дариана Дарк, которую когда-то ловили чуть ли не все имперские силы безопасности...

Так что мне совершенно нечего надеяться на Далькино прощение или хотя бы понимание. В ее глазах — и не только в ее — ныне, присно и во веки веков я — гнусный предатель, имперский... гм, блюдолиз. Конечно, отцу никто не дерзнет бросить такого в лицо. Дуэли не миновать, а с отцом до сих пор на рапирах никто не сравнится. Кумушки, конечно, не упустят случая пошипеть, но...

Солнце коснулось моря нижним краем диска, алые сполохи ползли вдоль вовеки недоступной черты, за которой, как я верил мальчишкой, у Солнца есть настоящий дом и жена, ждущая его каждый день с многотрудной работы.

Однако пора. Далька улетела. Теперь тут только и осталось, что наблюдать издалека за китовыми любовными играми, коль скоро уж со своими ничего не получилось.

Пора, пора. Нечего расслаживаться. Мои пальцы скользнули к шее, к висевшей рядом с нательным крестом наглухо зашитой крошечной кожаной ладанке. В ней нащупался ключ. Это то, с чем я не расстанусь никогда и ни за что. Таких вещей у меня несколько. То, что связывает меня с настоящей жизнью.

Я встал, подобрал комбинезон и ботинки. Ничего не скажешь, ботинки отличные. Вроде как ничего не весят, а в драке зафигачишь — так мало не покажется. И не жмут нигде, и нога в них никогда не потеет, и не промокают они, и в огне не горят, и по любой кислоте идти в них можно. Славные ботинки. Немцы делают, на Новой Баварии, а уж в чем в чем, а в солдатской снаряге швабы толк знают.

Мой вертолет стоял, странно окривев и завалившись на левый бок. Я взгляделся и присвистнул. Шина прорезана — не иначе Далька постаралась. На прощание, так сказать. Ну ничего, шина — не главная турбина, дотянем и сядем...

Завтра, с зарей, мне полагалось быть на сборном пункте. Машину оставляю в столице, кто-нибудь, отец или братья, пригонит ее обратно. Мне вертолет больше не понадобится. Как и ничто другое с гражданки. Пройдет совсем немного времени, и эта жизнь покажется мне раем. На меня станет орать идиот-фельдфебель, заставляя драить нужники зубной щеткой, или отрабатывать ружейные приемы в три часа ночи, или полировать парадные сапоги до абсолютного блеска, проверяя люминометром их отражающую способность; болван-лейтенант, желая выслужиться, на маневрах погонит нас в полное змей и прочих гадов болото, да притом еще подставит под огонь собственной артиллерии (как всем известно, на учениях в Империи используют настоящие снаряды и патроны — кому не повезло, тому не повезло; родные получают компенсацию). Я буду задыхаться в дурно пригнанном противогазе, блевать от тряски в железном брюхе десантного транспорта, высаживаться в охваченных мятежом городах, чтобы пройти их из конца в конец, оставляя за собой только трупы и пожары — для вящей остротки.

Я буду носить на рукаве эмблему Третьей десантной дивизии “Totenkopf” («Мертвая голова»). Когда-то давно она именовалась 3-й танковой дивизией СС и стала недобро знаменитой именно под этой самой эмблемой: серебряным черепом на черном геральдическом щите. И еще — “Gott mit uns”¹ на бляхе парадного ремня.

«Мертвая голова» печально прославилась не только на полях сражений. Ее создали в октябре 1939 года из четырех существовавших охранных полков, что «действовали» в местах, названия которых не требовали и никогда не потребуют ни переводов, ни пояснений: полк “Oberbayern” — Дахау, “Brandenburg” — Бухенвальд, “Thuringen” — Заксенхаузен, “Ostmark” — Маутхаузен, к которым прибавился пятый полк: “Dietrich Eckhardt”. Дивизию возглавил Теодор Эйке, инспектор концентрационных лагерей и охранных частей СС. Формировали ее в Дахау, предварительно «очищенном» от заключенных. Боевое крещение она приняла во Франции: 16 мая 1940 года дивизию перебросили из армейского резерва для поддержки 15-го танкового корпуса генерала Гота. 21 мая под Камбрэ «Мертвая голова» едва не стала мертвой на самом деле: фланги “Totenkopf” и 7-й танковой дивизии оказались смяты ста тридцатью контратакующими английскими и французскими танками. Прежде чем тяжелая артил-

¹ Gott mit uns (нем.) — с нами Бог. Надпись на бляхах армейских ремней фашистского вермахта.

лерия и пикирующие бомбардировщики отразили этот отчаянный натиск, многие солдаты «Мертвой головы» бежали в панике.

...Потом они отыграются на пленных. На солдатах Королевского Норфолкского полка, захваченных после ожесточенного боя. Потеряв в том столкновении семнадцать человек убитыми, эсэсовцы осатанели. Около ста англичан, попавших в плен, были расстреляны из пулеметов по команде оберштурмфюрера СС Фрица Кнохлейна, за что тот и был в свое время повешен англичанами уже после войны.

А потом...

Потом они маршировали по Прибалтике. Я никогда не бывал на Земле, но историю тех дней проштудировал вплоть до номеров полков. 2 июля в Латвии передовой батальон «Мертвой головы» столкнулся с частями русской 42-й стрелковой дивизии. Потеряв 10 человек убитыми и больше ста ранеными, «мертвоглавцы» отступили. И потом они сражались без всякой славы. Зимой 1942 года «Мертвая голова» вместе с еще пятью дивизиями попала в окружение под городом, название звучит для меня почти как музыка: Демянск. Из потерянных за время «похода на восток» двенадцати с половиной тысяч человек половина полегла под Демянском.

Потом, потом, потом... будет Курск, будет еще много всего, будет Будапешт, будет Вена, где “Totenkopf” и закончит свой бесславный путь.

...Много-много позже, когда забубенные эти имена вновь замелькают в официальных документах, Новая Империя предпримет попытку отмыть черного кобеля. Будет отброшено многое. Например, две зловещие руны SS в названии. Принятые в СС знаменитые обер-, штурмбанн- и прочие «фюреры». Их заменили обычные армейские звания.

Я выучил это и еще многое другое наизусть. Империя, Кайзеррейх, пока еще не успела особенно основательно почистить частные книжные собрания. А мой отец, дед и прадед — все собирали исторические труды. Во всех доступных им формах.

Я выучил это потому, что в дивизии, созданной изначально из лагерных вертухаев, нам, само собой, будут талдычить совсем другое.

И все-таки я иду туда...

Так надо. На этих «мертвых головах», «лейбштандартах», «викингах», «дас райхах» и прочей нечисти стоит Империя, которой я отныне служу. А Далька... ну что Далька. Каждый выбирает — всякий день, всякий миг. Она тоже выбрала.

Ее интербригады — это, конечно, романтично и здорово, и красная лента вокруг головы очень шла Дальке, но я не сомневался: стоит интербригадовцам учинить что-нибудь этакое, их повяжут сразу и не посмотрят, что организация «Памяти интернациональных бригад» легальна, разрешена, действует с ведома

властей как планеты, так и имперской администрации, выпускает две газеты — по старой традиции бумажную, мемориальную, и основную, сетевую.

Да, многими интербригадами — как, например, Далькиной Шестой — руководили люди, которых трудно было заподозрить в симпатиях к Империи. Взять ту же Дариану Дарк. Родом со все еще «независимой» планеты, где обожались «новые пуритане». В свое время повоевала с имперцами на Каледонии, принимала участие в Босвортском и Жлобинском мятежах, но потом «отошла от активного вооруженного противодействия», подписала «личный мир» с Империей и занялась «моральной борьбой». В частности, возглавляла эту самую Шестую интербригаду, штаб-квартира — на Иволге, главной планете нашего Восьмого сектора.

Далька долго пыталась зазвать меня на их сходки. Я под всякими благовидными предложениями уклонялся, пока Далька не начала злиться. Но мне там показываться было никак нельзя. С такой анкетой не то что в десант — в стройбат имперский не попадешь.

Двигатели я запускал с некоей опаской. Если разгневанная Далька успела походя шину пропороть, так могла и булыжник в турбозаборник метнуть.

Тем не менее все прошло благополучно. Я поднял машину в воздух, сделал прощальный круг над островком, над лагуной, над резвящейся и выпускающей разноцветные светящиеся фонтаны китовой вольницей и взял курс на Новый Севастополь.

* * *

В город я прилетел, когда уже совсем стемнело. Вода в Северной бухте мягко светилась голубоватым, верный признак, что в гавань опять зашел косяк радужной морской форели. С земным прародителем у нее общим осталось разве что только название. Мигали огоньки на мачтах — алые, золотистые, изумрудные, плясали ослепительные миражи над веселым кварталом, солидно и ровно горели вывески больших универсальных магазинов. Чуть восточнее, в районе батареи номер тридцать, которую имперцы отчего-то называли «форт Максим Горький» (и чего они в нем нашли? тоска смертная, я его читать даже под угрозой «пары» не мог), всю полыхал фейерверк — наверное, у кого-то свадьба или день рождения. Я подумал, что в свое время мечтал устроить такой вот фейерверк для Дальки... и сцепил зубы. Ни к чему сейчас вспоминать все это.

В вертолете я переоделся. Замасленный комбинезон, старые сандалии — разгуливать в имперском камуфляже по ночному Севастополю небезопасно, несмотря на все усилия коменданта и патрулей.

Машину я посадил на общественной площадке. Отец держал для нас ангар, но сейчас я и помыслить не мог посмотреть в глаза техников. Дражен не то что

руки не подаст, а точно попытается голову оторвать. Сергей, Зденек, Мирчо — туда же. Лучше там даже и не возникать.

Вертолет застыл, накренившись. Придется всю колесную пару менять. Барабан я точно изуродовал.

Пожилой механик с тремя золотыми шевронами — тридцать лет беспорочной службы — угрюмо принял от меня ключи, дал расписаться в ведомости. На меня он почему-то старался не смотреть. Неужели тоже знает?..

Торопливо расплатившись, я поспешил убраться восвояси.

У меня оставалась одна ночь. Последняя ночь свободы. Можно было направиться в веселый квартал, отвести душу в виртуалке, или же, махнув рукой на порядочность, по обычаю всех уходящих на войну (а какая-нибудь война у нас всегда сыщется) забиться в оплаченных женских объятиях.

Размышляя так, я добрал до стоянки такси. Бежевых машин с шашечками — в силу давней-предавней традиции — было мало, народ в Новом Крыму в большинстве своем добропорядочный и основательный, спешки с суетой не любящий и вовсе не расположенный куда-то там тащиться на ночь глядя. Что бы дела делать, как известно, день есть.

— Куда поедем, приятель? — окликнул меня шофер.

Я помотал головой и ускорил шаги. Мне некуда ехать в этом городе. Ни в пивные, ни в бары, ни в бордели, ни в виртуалку. И потому я сейчас, таща за собой тюк с имперской формой, быстро, не теряя ни минуты, скорым спортивным шагом двинусь на вербовочный пункт. Ни к чему эти последние часы свободы. Не «они» говорят мне, когда прийти. Я сам выбираю свое время.

...От аэроплощадок до сборного пункта было почти три часа ходьбы, но я даже не заметил расстояния. Признаться, я тогда вообще мало что замечал вокруг себя. Видел только лица. Мама, отец, дед, бабушка... Далька... братья, сестры... Я был старшим, неделимый майорат перешел бы после отца ко мне — теперь им распорядиться станет Георгий, второй по старшинству после меня. Наверное, это правильно. Брат всегда любил заниматься «делами», то есть хозяйством на морских плантациях и рыбозаводах. Нетто- и брутто-тонны для него звучали как музыка, а повышение на один процент выживаемости молодежи деликатесных донных ползунов приводило в прямо-таки оргиастический восторг. Так что отец, конечно, был прав. Семье так будет лучше. Намного лучше.

...Я вспоминал. Наверное, это неизбежно — вспоминать, когда твоя жизнь меняется резко и, пожалуй, необратимо.

Семья собралась вся — включая самых младших. Едва войдя, я столкнулся взглядами с младшей сестренкой, Танюшкой, чудным голубоглазым и блондинистым созданием одиннадцати лет от роду. Глаза смотрели недоуменно и

испуганно. Она не понимала, что тут творится, почему ее оторвали от игр с подружками и заставили сидеть на странном, внезапно случившемся семейном обеде, который не обещал ничего веселого.

Отец сидел во главе стола. Раздраженно крутил в руках вилку, не глядя на меня. На другом конце застыла мама — словно статуэтка из слоновой кости. Со спины маму до сих пор принимали за девушку — несмотря на то, что у меня насчитывалось в общей сложности восемь братьев и сестер. Я был девятым или, точнее говоря, первым. Поскольку был старшим.

Георгий, второй брат. Всегда был правой рукой отца в «делах». Смотрит вниз, на меня глаза не поднимает.

Лена, третья сестра. Тоже правая рука, но на сей раз — мамина. Вечно возилась с малышами, и ее никогда не требовалось ни заставлять, ни понукавать — живых детишек она предпочитала куклам. Губы у нее подрагивают, вот-вот заплачет.

Света. Посверкивают старомодные круглые очки в архаичной металлической оправе. Пальцы судорожно мнут кружевные манжеты черного строгого платья — сестру явно выдернули с какого-то собрания.

Ларион. Ну, он еще мальчишка. Хотя взгляд уже, как у настоящего волчонка.

Остальные — мелкота. Александр, Людмила, Виктор и младшая Танюшка. Они еще школьники.

Я вошел последним. Полученная утром записка гласила, что семья собирается в пять, и я не опоздал — но, похоже, остальные успели раньше. Может, их и созывали пораньше?..

Никто не взглянул на меня. Даже отец.

Он заговорил, по-прежнему упорно не отрывая глаз от скатерти, словно надеялся разглядеть там невесть что.

— Я взял на себя труд проинформировать остальных о твоём решении.

Я попытался как можно более независимо пожать плечами.

— Может, с этим стоило бы подождать, отец?

Я хотел, чтобы мой голос звучал твердо и уверенно, но, увы, не получилось. С моим отцом, когда он в гневе, так запросто не поговоришь.

— Нет, — на сей раз отец посмотрел на меня. Глаза у него казались белыми от бешенства. — Нечего ждать и тянуть. Ты опозорил всю семью. Всех нас. Говорю это не для тебя — тебе уже ничто не поможет и тебя ничем не исправишь. Говорю для остальных, надеюсь, что смогу прибавить им хоть немного ума и понимания.

— Что это за спектакль, отец? — я слегка возвысил голос. — Даже если тебе не нравится мое решение...

— Твое решение?! — взревел он. — Предательство — это твоё решение?! Идти на службу к этим... этим... — отец потряс кулаком, не найдя, видимо, подходящих слов.

— Мы граждане Империи, отец. Новый Крым подписал договор. Ты забыл, что там и твоё подписание?..

— Неужели ты думаешь, что мы хоть на минуту смиримся?! Если бы мы тогда его не подписали, на месте Севастополя осталась бы радиоактивная пустыня. И ни тебя, ни твоих братьев и сестер — никого не осталось бы в живых!

Я не нашел ничего лучшего, как пожать плечами. Поймал краем глаза взгляд Танюшки — голубые глаза стали похожи на озера от застывших в них слез.

Мама сидела, по-прежнему не шевелясь. И молча смотрела перед собой на сверкающе-пустую тарелку. Сегодня в ход пошел «торжественный» сервиз, который у нас доставали только в особенных случаях: дни рождения, Рождество и так далее...

Сегодня, значит, тоже «особый случай».

Отец перевел дыхание. Схватил графин с водой, налил в хрустальный бокал, шумно выпил. Впечатал бокал в стол, вновь поднял на меня глаза, и я вновь не выдержал его взгляда.

— Мы решили, — на скулах отца заиграли желваки. В свои сорок пять (я появился у них рано, когда маме было всего восемнадцать, а отцу — на два года больше) он выглядел очень внушительно. Никогда не занимался накачиванием мускулов, а завяжет узлом любого культуру-каратиста. — Мы решили, что тебе здесь больше места нет.

Мама вздрогнула, Света стащила с носа очки, яростно принявшись протирать и без того идеально чистые стекла. Пальцы ее дрожали.

Я вновь пожал плечами.

— Ты ничего не докажешь, отец...

— Тебе здесь больше места нет, — отчетливо повторил он. — И ты больше не первый наследник. Подпишешь добровольный отказ от наследства и передачу своей доли семейных акций Георгию.

— Не имеешь права!

— Очень даже имею. По закону о неделимости майората, — злорадно сообщил он мне.

— Юра... — страдальчески прошептала мама, обращаясь к отцу.

— Что «Юра»?! Он нас предал! Предал и продал! Пусть управляет Георгием. У него и способностей к этому куда больше.

— Я могу сказать? — вдруг зазвенел голос Лены. — Или тут говорят только трое?

Отец метнул на мою сестру недовольный взгляд.

— Говори, да не заговаривайся.

— Почему никто не даст сказать Русу? Наверное, у него были причины! — и умоляющий взгляд на меня: «Ну не молчи, ну скажи же, что все это не так, что все это ошибка!..»

Нет, дорогая сестричка. К сожалению, это не ошибка.

Я поступаю в имперскую армию. И тогда мне действительно нет места среди вас. Отец принадлежал к узкому кругу самых богатых рыбопромышленников Нового Крыма, казалось бы, ему и им подобным как хлеб и воздух нужен был мир с Империей, хорошие отношения с военными, рынки сбыта и прочее, прочее, прочее. Однако... в недалеком прошлом мой почтенный отец возглавлял боевое крыло Армии Русского Сопротивления. До самого подписания мирного договора с Империей, согласно которому Новый Крым «добровольно» входил в ее состав, а все жители планеты спустя не столь уж длинный «испытательный срок» получали права гражданства. Ну а планета, само собой, — представительство в Рейхстаге, верхней палате (два депутата) и места в Бундестаге (пропорционально народонаселению, но, само собой, не меньше чем одно).

Так было. Шла война. Настоящая партизанская война. Но потом неожиданно среди самых что ни на есть радикалов, «непримиримых», возникло движение «умеренных», ратующих за достижение почетного мира с Империей. И, что самое удивительное, им удалось добиться своего. Партизанская война прекратилась, имперцы и Новый Крым подписали договор, нам было даровано гражданство...

Всего этого добилась узкая группа людей, которых по-прежнему называли «умеренными». И возглавлял их мой достойный батюшка. Бывший глава «непримиримых». Ему тогда было немногим меньше, чем мне сейчас. И я уже был на свете.

Но к творившемуся со мной это никакого отношения не имело.

— Что ж, отец, — я как можно более независимо пожал плечами. — Ты совершаешь ошибку, но... Я докажу тебе, что я лучший сын, чем ты — отец. Давай бумаги. Я все подпишу.

— Не здесь, — прошипел он, тяжело и исподлобья глядя на меня. — Не здесь. В Деловой Палате. Завтра. В присутствии положенных законом свидетелей. Чтобы все как полагается зарегистрировать. Так что обратной дороги тебе не будет. Майорат отныне и навсегда закрепляется за Георгием и его потомками. Он хороший сын и настоящий русский человек. Не то что... — отец скривился.

Я видел, как Георгий вздрогнул и еще сильнее вжал голову в плечи. Да, он прирожденный коммерсант, настоящий знаток всего морехозяйства, окончил, как

и я, биологический факультет нашего университета, а сейчас вдобавок получает степень в Деловом Администрировании. Но мы с ним всегда были в прекрасных отношениях. Он младше меня всего на год, в детстве, всем на удивление, мы никогда не ссорились, всегда играли вместе и все делили пополам — кроме девушек. Тут наши вкусы решительно разошлись. Я любил длинноногих блондинок, Георгий — пышных брюнеток...

— Иди, — сказал отец. — Иди... только крест фамильный сними.

— Папа! — не выдержали разом и Света, и Лена.

— Молчать! — гаркнул на них отец. — Ничего не понимаете, сороки! Какой он после этого православный!

— Сестрички... не злите его, — я медленно расстегивал ворот. — Пусть будет, как он хочет. Все равно я от нашей веры не отступался, и Господь Вседержитель в том свидетель. А какой крест носить... право слово, неважно.

Я положил золотой крестик на край стола. Больше мне здесь делать нечего. Те немногие вещи, которые я хотел бы сохранить, уже спрятаны в надежном месте. Об остальном я не заботился. Книги разве что... но их, в конце концов, можно и новые купить.

— Прощайте, — сказал я, повернулся и пошел к дверям.

Только тут Танюшка позволила себе зарыдать в полный голос.

* * *

Вербовочный пункт располагался, естественно, в самом центре Нового Севастополя. Прямо через площадь от Городской Думы и канцелярии городского головы. Раньше там стояла старая больница, самая первая из всех, построенных на Новом Крыму. Имперцы больницу взорвали, отгрохали вместо нее за городом громадный госпитальный комплекс, а на площади появился «Штаб гарнизона вооруженных сил Империи, планета Новый Крым». На фронте раскинул крылья хищный одноглавый орел, сидящий на римском лавровом венке, внутри которого вставало солнце. Само здание имперцы отстроили из монументального красноватого гранита, на отполированных поверхностях сверкали блики покачивающихся на ветру оранжевых фонарей. Вперед выпирали мощные контрфорсы, узкие окна, словно бойницы, подозрительно косились на окружающие дома, далеко не столь же ухоженные, чистые и отполированные.

Напротив, через площадь, наискось от кафедрального собора Святого благоверного князя Александра Невского, стояло здание городских Думы и Управы. С двуглавым орлом на фронте и бело-сине-красным триколором. На груди орла — щит со вставшим на дыбы медведем. А на крыльях — гербы поменьше: Георгий Победоносец со змеем, «Пагоня» Руси Белой и трезубец-сокол Рюриковичей — от Руси Малой.

Циклы Ника Перумова Вселенная Упорядоченного

Кольцо Тьмы

*Эльфийский клинок
Черное копье
Адамант Хенны
Небо Валинора. Адамант Хенны*

Летописи Хьёрварда

*Гибель Богов
Воин великой тьмы
Земля без радости
Тысяча лет Хрофта*

Гибель Богов — 2

*Память пламени
Удерживая небо
Пепел Асгарда
Асгард возрожденный
Хедин, враг мой
Прошедшая вечность
Орел и Дракон
Душа Бога. Том 1
Душа Бога. Том 2
(именно эта книга и
завершает основную историю
Упорядоченного)*

Летописи Разлома

*Алмазный Меч, Деревянный Меч
Рождение мага
Странствия мага
Одиночество мага
Война мага
Когда мир изменился
Восстание безумных богов
Северная Ведьма
Эльфийская стража
Дочь некроманта
Вернуть посох*

Сказки Упорядоченного

*Охотники
Война ангелов*

Отдельные циклы и романы

Техномагия

Семь Зверей Райлега

*Тёрн
Алиедора
Имя Зверя*

Приключения Молли Блэкуотер

*За краем мира
Сталь, пар и магия
Остров крови*

Империя превыше всего

*Череп на рукаве
Череп в небесах*

Я, Всеслав

Конан и Карусель Богов

Александровские кадеты

СОДЕРЖАНИЕ

Книга 1. Череп на рукаве 5

Книга 2. Череп в небесах 369